О СОДЕРЖАТЕЛЬНОМ ПОТЕНЦИАЛЕ КОНЦЕПТА ПОТЕСТАРНОСТИ

УДК 304.42

О. В. ШМУРЫГИНА

Феномен власти изучается давно и разносторонне. Определённый вклад в его дальнейшее осмысление позволяет внести концепт потестарной ёмкости, предложенный А. И. Сосландом [6, с. 182–199] для рефлексии психотерапевтической практики и теории, но имеющий гораздо больший, выходящий далеко за рамки психотерапии эвристический потенциал, чему и посвящена настоящая статья.

В латинском языке potestas означает способность, возможность, обладание достаточной силой для осуществления какой-либо деятельности. Акцент в латинском термине ставится не столько на источнике, «начале» действия, сколько на его субстанциональной основе — силе. В этом значении термин вошел в романо-германские языки (power) и на русский язык очень часто переводится как «власть», приобретая иной смысловой оттенок, т. к. «власть» является однокоренным с «владеть, владычествовать», основание которого имеет значение «собственник», «хозяин».

В настоящее время актуальным и эвристически полезным становится использование термина «потестарность» в значении, отличающем его от власти. Последнюю принято раскрывать через субъект-объектные отношения, основным моментом которых является субъект — источник, носитель (человек, группа людей или институт) — обладающий способностью влияния на других, становящихся объектами властного воздействия [1; 2]. Власть при этом не исчерпывается субъектом, объектом и воздействием (системой взаимодействий субъекта и объектов). М. Фуко, напр., убедительно показывает пронизанность отношениями власти всего общества и вводит термин «поле власти», которое означает, что всё в обществе находится в контексте различных властных отношений, образующих своеобразную паутину [7; 8].

А. И. Сосланд, опираясь на идеи М. Фуко, представляет власть как нечто тотальное, встроенное во все мыслимые не только социальные, но и экзистенциальные локусы. Властными отношениями, по его мнению, «нашпигованы» любой знак, жест, любая интеракция. Власть — феномен многомерный, разномасштабный, неоднородный, состоящий из множества звеньев. Власть может быть рассмотрена и как некая инстанция, и как некое влечение [6, с. 182]. На каждое из её звеньев, в свою очередь, может быть оказано то или иное воздействие извне. Потестарная ёмкость представлена им как сумма возможностей (прежде всего, обратного) влияния на субъект власти в рамках определённой практики, парадигмы, науки и т. д. Потестарная ёмкость, по его словам, самым непосредственным образом присуща всем явлениям и измерениям общественной жизни. Любая подвластная составляющая общества обязательно в той или иной степени влияет на властные отношения, меняет их и меняется сама в контексте динамики этих взаимоотношений.

Прообраз концепта потестарной ёмкости можно найти ещё в диалектике раба и господина, изложенной Г. Гегелем в «Феноменологии духа»: господство, основанное на рабстве (иными словами, на подчинении), несамостоятельно и несамодостаточно. Более того, находящийся в подчинённом состоянии индивид оказывает обратное влияние на действия господина, определяя, например, форму тех вещей, которые потребляются властителем, тем самым вынуждая его принимать вещь именно в том виде, в котором её увидел раб.

Развивая данный концепт далее, необходимо чётко разграничить понятия потестарности и потестарной ёмкости: первая — свойство объектов власти оказывать обратное влияние на её носителей, а потестарная ёмкость — это количественное выражение возможности этого влияния. Потестарность подвластных как одна из характеристик социальных явлений вторична по отношению к властным воздействиям и потому отличается от них, а состоит из элементов, непосредственно связанных с формами проявления власти (господством, преобладанием ресурсами, более высокой организацией общественного порядка). Эти отдельные элементы, в свою очередь, проявляются некоторыми ответными реакциями на различные способы осуществления власти.

Господство как первая форма проявления власти характеризуется использованием принуждения, силовым преодолением сопротивления подвластных. Принято полагать, что господство реализуется главным образом через санкции. Некоторые исследователи (например,

П. Блау) считают: санкции могут быть только негативного характера, что позволяет определять власть как «способность индивидов или групп навязывать свою волю другим вопреки их сопротивлению через угрозу наказания или отказа в регулярных вознаграждениях, так как и первое, и второе обладают эффектом негативной санкции» [9, с. 294].

Принуждение как основная составляющая господства видоизменяется с течением времени. Общество развивается, и подвластные адаптируются к определённым способам и методам принуждения, поэтому власть вынуждена заменять их другими, порождая ответную динамику со стороны подвластных. Так, простое проявление силы, которое использовалось в Средневековье, уже не может служить эффективной формой проявления принуждения в современном информационном обществе. Поэтому здесь на первый план выходит манипулирование информацией и осуществление влияния с её помощью, а не благодаря давлению, оказываемому на тело. Отпадает необходимость и в том, чтобы бороться с физическим сопротивлением подвластного, если его можно избежать, предотвратить. В современных условиях властное воздействие осуществляется по большей части без (или почти без) прямого принуждения и, соответственно, без порождения и преодоления сопротивления, которое в промежуточных вариантах переходит в скрытую форму. В связи с этим значение сопротивления, которое всегда сопутствует принуждению и выступает проявлением потестарности, теряется. Сопротивление власти всё больше преобразуется в форму добровольного согласия с ее требованиями, что и делает власть «легитимной». Это оказалось возможным благодаря изменению методов принуждения. Сопротивление проистекает из желаний человека, поэтому ранее власть заставляла при помощи явного принуждения действовать человека против своих желаний. Современные же властные структуры научились не только и даже не столько удовлетворять многие имеющиеся желания, а ещё и формировать у (in-form, «встраивать в») подвластных необходимые властям желания. Подвластные часто даже не осознают, что являются объектами скрытого от них принудительного воздействия. И потому здесь уже нет сопротивления принуждению.

Всё идёт к тому, чтобы сформировать у людей ощущение, что они осуществляют свои действия не только не в противовес своей воле, а согласно своим внутренним потребностям, и что поэтому иного лучшего порядка быть не может («общество благоденствия»). Как говорил С. Льюкс: «Высшая и наиболее коварная форма осуществления власти — это предотвращение, в той или иной степени, возможного недовольства людей путем формирования у них таких восприятий, знаний и преференций, которые обеспечили бы принятие людьми своих ролей в существующем порядке вещей — или в силу того, что они не видят альтернативы этому порядку, или потому что считают его божественно предопределённым или выгодным» [3, с. 24].

Управление желаниями предоставляет властвующему возможность соприкоснуться со сферой, которая ранее представлялась областью индивидуальной автономии. Сформированное желание становится сильнее идущих от индивида желаний, хотя является не столько желанием, сколько его знаком, симулякром, в первую очередь для самого потребителя: знак зовёт без нужды в нём. Но и удовлетворение его тоже приобретает симулятивный характер: у потребителя нет необходимости потреблять непременно сами продукты и услуги, теперь можно потреблять, а значит, как следствие, и производить лишь их знаки. Так, например, реальное общение, которое требуется индивиду как социальному существу, заменяется телефонными разговорами, электронными письмами, нередко к тому же состоящими из набора клише. Реальные эмоции, которые можно испытывать в жизни, люди заменяют теми, которые существуют в телевизионных сериалах, сериях детективов и т. д.

Но потребляя знаки, а не сами продукты и услуги, объекты власти так проявляют свою потестарность, оказывая обратное воздействие на власть, потому что знаковым, симуляцией становится само подчинение. Желание к человеку теперь приходит извне, словно вещь, занимающая пустовавшее до неё место. Усвоение вовне произведенного желания возможно при изначальной опустошённости человека. Иными словами, производство нового желания одновременно предполагает производство пустоты там, где прежде сменяли друг друга страсти [5, с. 17]. Власть провоцирует опустошение подвластного, который либо опустошается в ответ, принимая желания извне, либо симулирует и опустошённость, и желания, и их потребление, ограничивая последнее лишь знаками. И чем больше знаков вместо реальных вещей и услуг производится обладающими властью, тем больше потребитель своей имитацией потребления вещей и услуг стимулирует ими-

[1] О потестарности вневластных требуется отдельный, выходящий за рамки данной статьи, разговор – Авт.

тационное производство знаков властями (экономическими, политическими, культурными и др.).

В вышеприведённой цитате С. Льюкс отмечает два варианта положительного принуждения, т. е. осуществления власти без оказания явного воздействия: опора на авторитет и обладание ресурсами. Обладание и манипулирование какими-либо ресурсами относится им ко второй форме проявления власти. Неравное распределение материальных, социальных, духовных и политических ресурсов впоследствии ведёт к неравным результатам (выгодам и издержкам) в отношениях обмена, возникающих между субъектом и объектом. У объекта власти либо совсем нет ресурсов, которые требуются для достижения целей, либо их недостаточно. В связи с отсутствием других источников для получения ресурсов ему приходится подчиняться воле субъекта, т. к. именно у него есть необходимые ресурсы. Возникает зависимость результатов деятельности одного человека от результатов деятельности других людей. Но возникает не просто зависимость, а взаимозависимость. Обладатель ресурсов должен поддерживать потребность именно в его ресурсах, а не в альтернативных источниках, которые могут возникнуть.

Поддерживать потребности в ресурсах субъектам власти помогает опора на здравый смысл подвластных. Например, сегодня (в эпоху постмодернизма) этот самый здравый смысл заключается в том, что не нужно изобретать что-то новое. Ресурсы можно и нужно брать там, где они есть, у того, кто ими обладает. Нет необходимости в поиске или создании новых источников силы и влияния, проще обратиться к уже известным и существующим.

Здравый смысл в итоге ограничивается тем, чтобы не предпринимать интеллектуальный поиск самому, потому что уже есть те, кто обладает всем необходимым в полном объёме — и можно просто заимствовать. Они (те, кто обладает) в случае надобности сами оформят консенсус, основанный на здравом смысле, идеологически. Но тогда смысловая расслабленность (всеядность) подвластных освобождает власть от поиска какого-то убедительного смысла, поскольку «всё сгодится!». И здесь мы тоже наблюдаем современное проявление потестарности: происходит идеологическая демобилизация власти как результат согласия подвластных с любой идеологией, с идеологией, ставшей всего лишь знаком самой себя, не более, т. е. с симулякром идеологии.

Господство и обладание ресурсами как формы осуществления властных отношений обязательно должны дополняться такой формой проявления власти, как создание порядка. Сегодня на смену власти, демонстрирующей силу, дисциплинарной власти и власти-контролю приходит власть, основанная на ориентации граждан относительно предпочтений в сфере производства, потребления, политических пристрастий и досуга. Это — наиболее эффективный на сегодняшний день принцип реализации власти. Власть, ориентирующая граждан и добивающаяся тем самым своих целей, является с привычной точки зрения незаметной; это власть-порядок (или даже поле порядков), а не некое насилие. Но условием осуществления этого типа власти является одинаковость (реакций) человеческих индивидов.

Порядок, устанавливаемый властью — это совокупность таких правил, которые регулируют человеческое поведение, создавая из них массу, но массу не однородную, не общность, а, напротив, атомизированную массу отдельных разобщённых индивидов, каждый из которых подлежит отдельному тотальному контролю. Контроль максимально индивидуализируется, осуществляется не над массой, внутри которой у индивида ещё есть шанс «спрятаться» и оставаться субъектом («внутренняя эмиграция» и т. п.). Современные же подвластные индивиды подвергаются десубъективации, объективируются, превращаются только и только в объекты. Потому просвещенческий дискурс убеждения (доказательства), основанный на модели человека-субъекта, сменяется постмодернистским риторическим дискурсом повторения (умножения) и внушения, направленного на разобщённых индвидов-объектов. Власть вновь приобретает религиозные функции, т. к. её легитимация производится не убеждением, предполагающим сомнение, но оформлением самого здравого смысла, самоочевидного «естественного» порядка вещей, которое снимает сам рациональный дискурс сомнения в пользу манипулятивного дискурса «доверия» и «предрассудка» [4, с. 393].

Проявлением современной потестарности, которое вытекает из данной формы проявления власти (создание порядка), является размытый характер субъекта власти, его деперсонификация. Блокируя сопротивление, вытесняемое и замещаемое контролируемым властью желанием-соблазном, человеку отводится роль квазицентра, вокруг которого прежний мир встает с ног на голову. Массовая культура занимает место экономики, коллективная психология — место онтологии. Новый мир антропоцентричен, и это перемещение человека в центр желания выглядит как реализация гуманисти-

ческого проекта: человек становится центром мира модных вещей, но центром неподвижным и пассивным, ничего не определяющим. Аналогично этому на другом полюсе отношения власти появляется квазисубъект, своего рода аппарат власти, представляющий собой иерархизированную совокупность социальных ролей и образцов поведения, сведённых в политическую программу или должностную инструкцию [5, с. 22].

Согласно этому человек и всё, что с ним связано (социальные отношения, процессы, институты и т.д.), превращаются в объект властных воздействий, а роль властвующего начала никак нельзя привязать к конкретному индивиду. Властные воздействия исходят не от какого-то конкретного человека или государственной структуры, а от самой эпохи. В аграрном и индустриальном обществе монарх обладал властью, он принимал решения, опираясь на свои собственные убеждения. Сегодня власть как бы в руках какого-то механизма и ни у кого в частности. Остаются отдельные управленческие функции, но нет всей мощи синкретичной власти, всего того потенциала, которым пользовались средневековые короли, власть рассредоточивается по различным социальным отношениям. Есть определённые правила поведения, которым подчиняется и отдельный человек, и различные социальные группы (некоторые называют это явление кодом Системы [5, с. 15]). Получается, что из-за размытости субъекта власти размывается и принуждение, а также обратное воздействие, оказываемое объектами власти. Это обратное влияние происходит не на субъект власти, потому что его сложно уловить, а на систему властных отношений.

Господство, обладание ресурсами, регулирование отношений – всё это только формы осуществления власти, функции некой Системы. Но даже системное представление власти не ухватывает её сущности, а только показывает характерный для данного общества способ её устройства и действия. В кадре нам дано «Как?» власти, за кадром же остается субъект (т.е. «Кто?»), скрывающийся за её действием. Невозможность увидеть или хотя бы «на кончике пера» уловить это «Кто?» воспринимается либо как недостаток избранного угла зрения, который можно исправить с течением времени, либо как эффект «обратной стороны Луны», которая в принципе недоступна земному наблюдателю.

Поэтому другим элементом потестарности можно выделить наличие некой «ответной» пустоты. Потестарность (как пустота, «вместимость») характерна, например, индивиду, на которого оказывает воздействие окружающая его обстановка (общество, отдельные социальные группы, социальные нормы, социальные институты и т. д.). Она может быть также у какой-то группы людей, находящейся под влиянием других групп, различных общностей. Вместимость у каждого социального объекта разная. Властные отношения, в которых они существуют, заполняют их как ёмкости волевыми воздействиями. Но воздействия эти как электрический заряд накапливаются, набирают свою силу, а потом выходят за их пределы уже как ответ объекта власти на её воздействие.

Так возникает вопрос об измерении потестарной ёмкости, о его процедуре и инструментарии. Ответ на него получить сложнее, нежели определиться с понятиями власти и потестарности, в том числе с их современными метаморфозами. Но эта определённость является необходимым предварительным условием ответа. Предложенная статья – попытка внести вклад в поиски ответа на вопрос, сама возможность которого возникла благодаря эвристическому потенциалу концепта потестарной ёмкости, требующему привлечения внимания со стороны исследователей-обществоведов.

1. Вебер М. Избр. произведения: пер. с нем.; сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденко; коммент. А. Ф. Филиппова. – М. : Прогресс, 1990.
2. Кожев А. Власть: метафизический анализ [Текст] / А. Кожев. – М. : Праксис, 2007.
3. Льюкс С. Власть: радикальный взгляд [Текст] / С. Льюкс. – М. : Изд-во ГУ ВШЭ, 2010.
4. Мартьянов В. С. Восстание обреченных: заметки о политической логике пост-модерна [Текст] / В. С. Мартьянов // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. Вып. 5. – Екатеринбург : УрО РАН, 2005.
5. Скоробогацкий В. В. Знание и власть на закате индустриальной эпохи [Текст] / В. В. Скоробогацкий // Общественные науки и власть: интеллектуальные трансформации. – Екатеринбург : УрО РАН, 2008.
6. Сосланд А. О психологократии [Текст] / А. Сосланд // Московский психотерапевтический журнал. – 2007. – № 1 (49).
7. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М. : Ad Marginem, 1999.
8. Фуко М. Интеллектуалы и власть. Ч. I. – М. : Праксис, 2002.
9. Blaw P. Differentiation of power // Political power: A reader in theory and research / Ed. by R. Bell, D. V. Edwards, R. Harrison. New York : Free Press, 1969.